

Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России?

© Лузянин С.Г.^a, 2022

^a НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Резюме. Историческое продвижение России в Сибирь и на Дальний Восток, процессы официальных демаркаций и миграционных взаимодействий с восточноазиатскими соседями привели к формированию трансграничных зон и коридоров на китайском, монгольском, корейском и японском участках российской дальневосточной границы. Особенности сближения России с восточноазиатскими народами и государствами были обусловлены не только географическими и культурно-цивилизационными характеристиками, но и международно-политическими факторами, действовавшими в отдельных случаях как триггеры сближения, а в других - как препятствия для интеграции.

Значение исторических российско-китайских коридоров в условиях свертывания западного диалога России многократно возросло. Из тактических, вспомогательных они в настоящее время превращаются в основные стратегические пути транспортной, энергетической, торгово-инвестиционной кооперации двух государств на ближайшую перспективу. Одновременно происходит свертывание, сжатие российско-японского и российско-южнокорейского политико-дипломатического взаимодействия, влияющего на сокращение торгово-экономических и инвестиционных совместных проектов на Дальнем Востоке и, в целом, в России. При этом российско-монгольские транспортные и углеводородные (трубопроводный газ «Сила Сибири.2») коридоры, ориентированные на Китай, приобретают особое значение в контексте усиления российского поворота на Восток.

Украинские события и развернутая Западом тотальная санкционная война против России значительно усиливают процесс российского поворота на Китай как основного партнера на Дальнем Востоке. Сибирско-дальневосточные регионы превращаются в главные стратегические «окна» этого поворота. Обновление концепции взаимодействия Тихоокеанской России с соседними государствами Восточной Азии предполагает расширение понятия Сибирь и Дальний Восток и углубление административных и либерально-рыночных механизмов кооперации. Деятельность 23-х преференциальных территорий опережающего развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток, привлечение китайских и российских (внутренних) инвестиций, - первый шаг в данном процессе.

Расширение углеводородного, инвестиционного и технологического сотрудничества России и Китая позволяет частично закрыть и минимизировать санкционные «бреши» как на Дальнем Востоке, так и в целом в России. Особую роль играет транспортно-логистическая система, ориентированная на Китай, частично законсервированная в ковидный период.

Ключевые слова: Россия и Китай, Сибирь и Дальний Восток, трансграничные коридоры, инвестиции, торговля, углеводороды, транспортные переходы

Для цитирования: Лузянин С.Г. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? 2022 г. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 6. С. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750020426-0

The Far East's Dimension of Russia's Pivot to the East. Will China close the Russia's sanctions gaps?

© Sergey G. Luzyanin^a, 2022

^aHSE University, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9578-6023; luzyanin.sergey@mail.ru

Abstract. In the context of Western sanctions pressure on Russia, the role and importance of the Russian Far East is growing significantly. Siberia and the Far East are becoming the Russia's main strategic windows to East Asia, primarily to China. The historical background of the formation of Russian transboundary corridors is associated with the definition of borders in the 17th - 20th centuries with China, Mongolia, Korea and Japan. For 400 years, Russia has reached its Far Eastern borders.

Currently, with the reduction of political and economic relations with Japan and South Korea, there is an increase in trade, hydrocarbon cooperation, and investment with China. The Chinese dimension becomes the main one in Russia's pivot to the East. The key element of this pivot is the modernization of the transport and logistics structure of the Far East, the construction of new seaports, railways and border crossings. The combination of administrative and liberal market approaches makes it possible to bring Russian-Chinese cooperation to a new higher level. China cannot become the main savior of Russia in the ongoing sanctions war. The development of our own import substitution is the main way to fight against Western sanctions. But China can significantly minimize and soften the Western sanctions blow. Taking a neutral position in the Ukrainian events, China is strengthening the Russian-Chinese base of strategic partnership, fully supporting Russia in matters of global and regional security. High political relations influence on the China's economic support for Russia.

Keywords: Russia, pivot to the East, China, Far East, sanctions, cross-border corridors, investments

For citation: Luzyanin S.G. The Far Eastern Dimension of the Russian Pivot to the East. Will China close Russia's sanctions gaps? *Asia and Africa today*. 2022. № 6. Pp. 5-14. DOI: 10.31857/S032150750020426-0

ВВЕДЕНИЕ

Проведение специальной военной операции России на Украине и резкое усиление конфронтации с Западом системно влияют на характер и темпы российского поворота на Восток. Основное изменение связано с окончательным отходом России от Европы и перераспределением торгово-экономических, инвестиционно-технологических, сырьевых и энергетических потоков на азиатские направления, прежде всего, на китайское.

Сибирь и Дальний Восток - главное «окно» в Восточную Азию. Учитывая, что в список 48 «недружественных стран» России¹, кроме западных, попал и ряд восточноазиатских стран, таких как Южная Корея, Япония и Сингапур, очевидно, что российский поворот на данных участках будет скорректирован, а в отношении нейтральных и дружественных государств региона он, наоборот, значительно расширится, включая, в первую очередь, китайское направление.

Официально, как известно, Китай придерживается нейтральной позиции по конфликту на Украине, но при этом полностью сохраняет российско-китайскую основу стратегического партнерства, критикует расширение НАТО на Восток и демонстрирует неприсоединение к антироссийским санкциям [31].

С другой стороны, при растущей китайской заинтересованности пока КНР не может полностью заместить западные страны на российском рынке. В экономическом формате не только сохраняются старые препятствия (узость российского внутреннего рынка, незаинтересованность китайских инвесторов, бюрократические и налоговые барьеры, пандемические ограничения 2020-2021 гг. и пр.), но и добавляются новые «санкционные» проблемы. Часть китайских коммерческих банков блокируют деятельность российских в долларовых сделках, боясь попасть под американские, вторичные санкции. В транспортных перевозках на европейском направлении Китай, пытаясь избежать конфликтных зон, запускает новые железнодорожные маршруты в обход России, например, такие как «Сиань (КНР) - Мангейм (Германия)»², отдельные китайские компании не торопятся продлевать контракты, занимая выжидательную позицию.

Данный ряд российско-китайских нестыковок не носит политического характера, но свидетельствует о необходимости формирования новых хозяйственных, правовых механизмов двух стран. В настоящее время два государства фактически находятся в начале создания обновленной экономической модели «Россия - Китай», которая на десятилетия будет обеспечивать новую, вне санкционную, взаимовыгодную кооперацию на треках «неамериканского мира» [31].

Ключевым элементом в новых условиях является транспортно-логистическая перестройка и «открытие» российского Дальнего Востока, создание дополнительных коридоров и площадок на преференциальной и не преференциальной основе. Экономико-административные усилия Москвы по эффективному использованию китайского инвестиционного, технологического и транспортного ресурсов на российском Дальнем Востоке в 2021 г. оказались недостаточными и требуют дальнейшего обновления и дополнения [13].

Запущенная российским президентом В.В.Путиным, еще до специальной военной операции, стратегия «сшивания» российских территорий, включая сибирско-дальневосточные и сближение их с федеральным центром, в настоящее время приобретает особую важность и значимость³. Изучение исторического опыта 400-летних трансграничных взаимодействий и современных российско-китайских приграничных связей позволяет объективно взглянуть на все стороны сибирско-дальневосточного измерения российского поворота, выявить слабые места и дать объективные сценарии.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ФОРМИРОВАНИЯ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ КОРИДОРОВ

История расширения на Востоке российского государства в XVII-XIX вв. во многом связана с процессом формирования границ, которые отделяли его территории от восточных соседей. С одной стороны, происходила официальная демаркация, а с другой - формирование трансграничных пространств, вбиравших миграционные потоки и энергетику российской и соседних азиатских цивилизаций.

¹ Правительство утвердило перечень недружественных России стран. <https://ria.ru/20220307/perechen-1777030742.html> (accessed 04. 03.2022)

² http://russian.news.cn/2022-04/14/c_1310558259.htm (accessed 14.04.2022)

³ См.: <https://tass.ru/ekonomika/10335109/amphttps://tass.ru/ekonomika/10335109/amp> (accessed 23.12.2020)

Глубинные русско-монгольские скрепы уходят в историю Золотой Орды, содержат элементы ее политической культуры и ментальности. Казаки в XVII в. на традиционном русском кураже вошли в контакт с монгольскими ханами Западной и Северной (Халха) Монголии, положив начало созданию огромной зоны сибирско-монгольского буферного (от Китая) пространства. При этом русские, идущие из Сибири, ментально и политически всегда воспринимались монгольской элитой как спасители, а Российская империя - как реальный противовес китайской угрозе поглощения.

На этих же принципах сформировалось более широкая трансграничная зона в формате треугольника «Россия - Монголия - Китай» в XIX - нач. XX вв., которая трансформировалась после 1917 г. в новую версию: «СССР - МНР - Китайская (гоминдановская) Республика», просуществовав до 1949 г. Функционально она не изменилась и после образования КНР, но приобрела ряд новых черт на монгольском участке в формате «некапиталистического пути» и социалистического развития МНР [3; 11; 12; 21].

Постсоветское развитие «треугольника» демонтировало союзнический русско-монгольский формат и интегрировало новый компонент - «Третьего соседа» (США, Японию, Южную Корею и др.), одновременно усилив китайское экономическое присутствие. Китайский «Шелковый путь» в данном сегменте дополняет русско-монгольские энергетические и транспортные (Степной путь) - проекты, которые фактически заполняют современный треугольник «Россия - Монголия - Китай» [12].

Современный русско-монгольский трансграничный коридор приобретает особую значимость в условиях перераспределения углеводородных российских потоков с европейских на азиатское (китайское) направление. Новый проект экспорта трубопроводного газа из России (Западной Сибири) «Союз Восток» («Сила Сибири.2») через территорию Монголии в Китай объективно выводит русско-монгольское партнерство на новый, более высокий стратегический уровень. Несмотря на все попытки США и их союзников оторвать Монголию от традиционных внешних приоритетов на Россию и Китай, официальный Улан-Батор не присоединяется к антироссийским санкциям, сохраняя дружественный нейтралитет к украинским событиям и партнерство с Москвой и Пекином.

Русско-китайскую часть трансграничного пространства в дальневосточном сегменте разделяет, как известно, р. Амур и его притоки. Основное оформление границы произошло, как известно, в середине XIX в., когда сибирский генерал-губернатор Н.Н.Муравьев-Амурский, российский посланник граф П.Н.Игнатьев и цинские дипломаты Поднебесной договорились официально развести русские и китайские земли по противоположным берегам Амура по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам [23].

Специфику русско-китайских отношений на этапе их формирования академик В.С.Мясников справедливо определяет как взаимодействие двух ключевых координат: а) российской горизонтальной линии, состоящей из европейских традиций и методов; и б) китайской вертикальной, включавшей имперский (ханьско-маньчжурский) компонент. Их взаимодействие и создавало, по его мнению, некий общий вектор развития, который находился под влиянием и при активном участии «народов-медиаторов» - монголов, маньчжуров, уйгуров, казахов, киргизов и других малых народностей, живших на берегах Амура и в Приморье [15].

Пограничная советско-китайская конфронтация 1960-х - 1980-х гг., питавшаяся, в том числе, известным политико-идеологическим противостоянием «китайского маоизма» и «советского ревизионизма», а также противоречивыми импульсами исторической памяти эпохи Нерчинского договора (1689 г.) и освоения русскими районов Амура, а китайцами - северной Маньчжурии XVII-XVIII вв., кроме локального конфликта на о. Даманском (март 1969 г.), не привела к большой войне и демонтажу данного пространства.

Окончательная демаркация русско-китайской границы в 1990-е и 2000-е гг. официально закрыла вопрос размежевания, хотя отдельные исторические «фантомные боли» некоторых китайских публицистов проявляются в печати [27; 28]. Возможно, что история сохранит эти «метки» на какое-то время, но не приведет к разрушению сложившегося за 400 лет общего дружественного, трансграничного пространства и не демонтирует высокий уровень стратегического партнерства.

Современное значение исторических русско-китайских коридоров, в условиях свертывания западного диалога России, трудно переоценить. Фактически, они (коридоры) из тактических, вспомогательных в настоящее время превращаются в основные стратегические пути транспортной, энергетической, торгово-инвестиционной кооперации двух государств на ближайшую перспективу.

РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ И РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА. РАСШИРЕНИЕ И СЖАТИЕ

Русско-корейский трек взаимодействия в историческом плане, с одной стороны, схож с монгольским и китайским в плане колонизации и миграции населения, но с другой - имеет свою «корейскую историю», связанную с созданием на Дальнем Востоке, а затем и по всей территории царской России сети ко-

рейских сообществ и их интеграцию в российскую жизнь. Корейцы, пришедшие в Российскую империю в XIX - начале XX вв., вольно или невольно расширили границы трансграничного российско-корейского пространства, став неотделимой частью российского государства и его ментальности.

После определения общих границ и установления дипломатических отношений в 1884 г., количество официально регистрируемых трудовых мигрантов из страны «Утренней Свежести» ежегодно возрастало. При этом деятельность российского поверенного в делах К.И.Вебера и других российских дипломатов в конце XIX - начале XX вв. в Корее, включая физическое спасение ими корейского короля Кочжона и его семьи, другие факты искренней и бескорыстной помощи корейскому народу, заложили прочный фундамент российско-корейского исторического доверия.

До русско-японской войны 1904-1905 гг. и аннексии Кореи Японией в 1910 г. Россия, как известно, была серьезным сдерживающим фактором японской агрессии. После колонизации полуострова Японией российское противодействие Токио и помощь Сеулу значительно снизились, и, хотя официально российско-корейская граница перестала существовать, превратившись в российско-японскую, неформальное трансграничное общение не только сохранилось, но и усилилось. К 1917 г. число только официально зарегистрированных корейцев в России составляло около 350 тыс. человек, а в Советском Союзе их насчитывалось 450 тыс., включая более 100 тыс. проживавших на российском Дальнем Востоке [17].

Таким образом, «русская Корея» плавно вписалась в российский (имперский) и советский форматы, а после распада СССР - и в постсоветскую Россию. В 1911 г. русский публицист С.Д.Меркулов писал, что «корейцы - единственные представители желтой расы, имеющие склонность сделаться верными подданными и любить Россию как свою новую родину»¹. Таким образом, российско-корейская трансграничная зона, по сравнению с монгольской и китайской, в историческом контексте была более масштабна, диверсифицирована и интегрирована в российскую модель.

Современное измерение корейского коридора связано, с одной стороны, с сохранением местных, локальных хозяйственных связей с ее северной, приграничной КНДР частью полуострова и развитием отношений с южной частью - РК (Южной Кореей), которая, несмотря на свое присутствие в группе «недружественных государств», пока не желает рвать торговые и инвестиционные связи с Россией.

Российско-японский трансграничный коридор в исторических границах XVII - XX вв. по спектру взаимодействий выглядит гораздо уже, чем соседние азиатские «дорожки».

Весь комплекс причин, особенно в раннюю эпоху двусторонних контактов до установления официальных российско-японских отношений и подписания Симодского русско-японского договора 1855 г., на наш взгляд, пока до конца подробно не исследован. При этом мотивация сторон, сжатие и расширение российско-японского пространства в XX в. после трагической для России русско-японской (1904-1905 гг.) и победоносной Второй мировой войны, разгрома японского милитаризма на Дальнем Востоке, изучены значительно лучше. На данном историческом этапе оформились известные политико-идеологические и международно-правовые подходы России/СССР в отношении Японии по отстаиванию своих национально-территориальных интересов. Одновременно, на этом же этапе сформировались и договорные и «островные противоречия», неразрешенные до сегодняшнего дня [8; 19].

За последние 50 лет произошло своеобразное «сжатие» российско-японского трансграничного пространства до минимальных значений, что системно влияет на уровень и характер современных трансграничных российско-японских связей [18; 20]. Активное подключение Токио к антироссийской американской стратегии санкций усиливает процесс консервации российско-японских политических отношений, включая прекращение переговоров по договору о мире и дружбе. При этом Токио пока не хочет выходить из совместных углеводородных проектов «Сахалин-1, 2», опасаясь, что их место займет Китай.

СОВРЕМЕННАЯ СИБИРСКО-ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ РОССИЯ: ВНУТРЕННИЕ ГРАНИЦЫ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Сибирско-дальневосточный «плавильный котел» XVIII-XX вв., в котором за сотни лет перемешались десятки местных и пришедших извне народов, сформировал относительно новый этнопсихологический тип сибиряка и дальневосточника, генетически вобравшего опыт и память российской и азиатской истории, от Чингис-хана до Ермака и других русских первопроходцев. За 400 лет с момента первых казачьих отрядов здесь сложились свои сообщества, которые всегда были самодостаточны и относительно независимы как в экономическом, так и политико-идеологическом плане от центра.

В современном местном общественном сознании происходит определенная трансформация. С одной стороны, сохраняются отголоски традиционной автономии, с другой, влияние оказывают глобализационные экономические реалии, близость больших и успешно развивающихся азиатских государств и цивилизаций.

¹ Цитировано по: [17, с. 114].

У сибиряков и дальневосточников иное восприятие Азии - не как далекой окраины, а как части «своего» близкого им мира, внутри которого они жили веками и в котором они остаются сегодня. При этом сам поворот воспринимается в центральной и дальневосточной России по-разному. До проведения специальной военной операции на Украине западные культурно-цивилизационные ценности, несмотря на все «возвышение Азии», продолжали держать часть российских центральных элит на прочной «европейской цепи», что являлось одной из причин замедления «поворота» [7]. В настоящее время западно-ориентированные группы и количественно, и качественно снижаются, что создает дополнительные условия для интенсификации поворота к Востоку, включая его внутренние российские части - Сибирь и Дальний Восток.

Кроме элитных нестыковок, существуют и отраслевые, корпоративные несовпадения в плане приоритетов и подходов реализации поворота, отражающие территориально-отраслевые различия интересов центрального и местного российского бизнеса, сложившиеся за многие десятилетия. Очевидно, что проблемы сглаживания этих нестыковок и повышения эффективности поворота решаются с учетом возросшей роли «вертикали власти» российского президента, созданных им специальных механизмов.

В ноябре 2020 г. в условиях борьбы с пандемией *COVID-19* была запущена реформа российских институтов развития в плане их сокращения и оптимизации, коснувшаяся и дальневосточных структур. В результате, явно усилилась госкорпорация «ВЭБ.РФ», вобравшая ряд ранее самостоятельных проектов, которая в тандеме с курирующим данный регион вице-премьером Ю.П.Трутневым и другими функционерами представляет влиятельную административно-финансовую «ось» нынешнего развития региона. Усилились ресурсы влияния у обновленного Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики, российско-китайской межправкомиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР, а также реструктуризированной «Корпорации инвестиционного развития Дальнего Востока и Арктики» (КРДВ).

В условиях «собирания» российским президентом сибирско-дальневосточных территорий просматривается желание местных административных и интеллектуальных элит поднять свой статус и значимость не только как традиционных исполнителей текущих народно-хозяйственных планов, но и как инициаторов некоей идеологии «востокоцентризма», оформившейся пока на экспертном уровне и предполагающей дальнейшее смещение федерального российского центра на восток России.

Ряд сибирских политологов, экономистов и социологов предлагают рассмотреть вопрос о новых границах Сибири. Речь не идет о пересмотре или корректировке официальных административных линий разделения субъектов Сибирского (СФО) и Дальневосточного федеральных округов (ДФО), а об уточнении политико-экономических «границ». Эксперты делают акцент на расположении Сибири как «ядра» российской части Евразии. Они считают, что исторически вокруг Сибири сложились своеобразные «окраины» - территории Дальнего Востока, Приморье, Забайкалье и Северо-Восток России, которые традиционно ориентируются на внешние азиатско-тихоокеанские рынки. Сибирь, по их мнению, территориально и функционально выглядит как мегарегион, объединяющий «разорванные куски» - от Урала (Екатеринбурга) до Дальнего Востока (Владивостока) - в единое целое [22].

Подобный подход, на наш взгляд, не противоречит общей стратегии подъема и создания условий для опережающего развития Сибири и Дальнего Востока. Он позволяет более целостно воспринимать сибирско-дальневосточную часть России в геополитической системе «Запад - Восток» и работает на ускорение поворота как по внутрироссийской, так и внешней восточноазиатской повестке, позволяет сибирякам и дальневосточникам психологически быстрее избавиться от векового провинциализма и излишней локализации районов восточнее Урала.

КИТАЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОВОРОТА. КАК ЗАКРЫТЬ САНКЦИОННЫЕ ПОТЕРИ?

Учитывая начавшийся процесс странового сужения на западных направлениях, очевидно, что на дальневосточных треках Россия будет пытаться использовать, прежде всего, китайский ресурс, максимально расширяя рамки кооперации по всей линейке товаров и услуг.

В настоящее время и на ближайшую перспективу экономическое сотрудничество с Китаем теоретически может частично минимизировать западный санкционный удар и закрыть отдельные бреши. Речь идет о значительном увеличении энергетической кооперации, включая газовый (трубопроводный газ и СПГ) и нефтяной сегменты; торговых сделок в национальных валютах (рубль - юань); состыковках китайской Трансграничной межбанковской платежной системы (*CIPS*) и российской системы финансовых сообщений (СПФС), а также расширения китайской системы *UNION PAY*, ее кооперации с картами «Мир» и др. В России ожидают расширения совместных производств (СП) как в РФ, так и в КНР, увеличения производства и поставок китайского автопрома, электроники, промышленного, энергетического и другого оборудования.

Ключевым компонентом российско-китайского «анти-санкционного пакета» может стать транспортно-логистическая перестройка российского Дальнего Востока в плане создания дополнительных «коридоров» и площадок на преференциальной и не преференциальной основе, открытие новых погранпереходов, модернизация и строительство новых портов, автомобильных и железнодорожных магистралей, замкнутых на китайские перевозки. В этой связи необходима дальнейшая экспертная разработка сформулированных ранее взглядов и концепций трансграничного сотрудничества, их быстрое практическое внедрение в жизнь.

До нынешнего геополитического обострения в академической научной среде сложилась определенная и работавшая в тот «мирный» период схема взаимодействия Тихоокеанской России с соседним азиатским миром, включая использование дополнительных возможностей и территориально-транспортных преимуществ экономической интеграции российских дальневосточных регионов, прежде всего, с Китаем [1; 2; 9; 10; 14; 16].

Очевидно, что в настоящее время разработанная теория применима лишь частично. На наш взгляд, требуется расширение «прикладного» спектра российского поворота, включая выявление новых ресурсов, радикальное обновление транспортной, тарифной логистики, более эффективное использование созданных территорий опережающего развития (ТОР) и обновленного статуса и инфраструктуры Свободного порта Владивосток.

В допандемический период российское руководство, как известно, запустило 23 территории опережающего развития и Свободный порт Владивосток в качестве преференциальных зон. Основные параметры и отраслевая специфика каждого ТОРа были представлены достаточно широко - от туризма, агробизнеса, горнодобычи, транспорта и логистики, до морских биоресурсов, рассчитанных как на внутренний российский, так и иностранный/китайский капиталы [16].

В современных китайских исследованиях особое внимание обращается на ТОР «Надеждинская» (Приморский край) с его гражданским судостроением, «Николаевская» (Хабаровский край) с возможностями глубокой переработки древесины на месте (без вывоза в КНР), а также «Михайловское» (Приморский край) с предложениями по агробизнесу и др. [25; 29].

Ключевой проблемой для китайской и российской сторон в настоящее время является определение оптимального соотношения экономической открытости и протекционизма приграничных районов Дальнего Востока РФ и Северо-восточных провинций КНР (Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономный район Внутренней Монголии), включая создание зон свободной торговли (ЗСТ), а также исследование китайской мотивации по созданию СП того или иного профиля на территории Сибири и Дальнего Востока. Китайский предприниматель будет вкладывать деньги и рисковать, когда будет точно знать, какие дивиденды он будет иметь от своего бизнеса.

Сдерживающим фактором для России остается усиливающаяся асимметрия экономических потенциалов РФ и КНР в пользу Поднебесной. Это - объективное препятствие, которое пока не позволяет российской стороне максимально либерализовать свои торгово-экономические границы, создавать полноценные преференциальные режимы в виде зон свободной торговли (ЗСТ) с КНР. С другой стороны, исходя из текущих вызовов и угроз российской экономике, а также изменения структуры китайского потребления, частичного отказа в Китае от агрессивного экспорта, опоры на внутренний китайский рынок, другие новации, варианты создания российско-китайских ЗСТ полностью отметить нецелесообразно.

Очевидно, что проблема возможной либерализации российско-китайского торгового взаимодействия требует дополнительного изучения, включая новые правовые, финансовые и ценовые реалии, формирующиеся на российско-китайском направлении. Так, известно, что девальвация рубля и укрепление юаня объективно меняет сравнительную себестоимость российских и китайских товаров. Фактически, происходит их ценовое выравнивание, а по отдельным опциям даже делает отдельные группы российских товаров более конкурентными. Имеется также позитивный и взаимовыгодный двухлетний опыт деятельности зоны свободной торговли в Харбине, ориентированной исключительно на он-лайн формат и трансграничную кооперацию [4].

VI Владивостокский экономический форум (ВЭФ, сентябрь 2021 г.), несмотря на позитивные отчеты местных чиновников о росте китайской активности, подтвердил сохранение общего российского подхода, отвергающего пока возможность глубокой российско-китайской либерализации. По мнению китайских экспертов, сохраняются, к сожалению, и препятствия для китайского бизнеса в сферах не преференциальной кооперации, связанные, как они считают, с противоречивой российской законодательной базой, высокими налогами, длительными циклами оформления проектов и слабо развитой инфраструктурой сопредельных регионов [26].

VII форум ВЭФ, который состоится во Владивостоке в сентябре 2022 г., в международной его части будет, скорее всего, сконцентрирован на китайской дорожке и планах практической реализации и устране-

нии старых и новых препятствий для полномасштабного трансграничного российско-китайского сотрудничества. Пока продолжают действовать 88 мер по ограничению российского экспорта по техническим и санитарным причинам, введенных с января 2021 г. китайской стороной в период пика пандемии *COVID-19*. Есть ряд и других административно-технических нестыковок.

Противоречивой остается инвестиционная картина китайского присутствия на Дальнем Востоке. По данным дальневосточных экспертов, в ДВФО, включая территории опережающего развития (ТОР) и зоне Свободного порта Владивосток к 2021 г. реализовывалось 45 инвестпроектов, в которые китайский бизнес вложил около \$1,8 млрд. Это примерно 63% от всех иностранных инвестиций в ДВФО [5; 9].

В 2021 г., несмотря на значительный рост российско-китайской торговли (до 35%), включая трансграничные сектора, инвестиционная активность не возросла, а по отдельным проектам даже снизилась, уступив первое место японским инвестициям. Одновременно, пандемические годы фактически обнулили китайское миграционное (трудовое) и туристическое присутствие в Сибири и на Дальнем Востоке [5].

В настоящее время просматривается позитивная тенденция прихода крупного китайского капитала в углеводородную сферу на Дальнем Востоке. Китайская «Дальневосточная корпорация Синьсин» объявила о проекте строительства в бухте «Пяти охотников» завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) с объемом инвестиций на \$7 млрд с оформлением соответствующего статуса резидента преференциальной зоны Свободный порт Владивосток.

Введение российских ограничений на экспорт российского необработанного леса с 1 января 2022 г. запустило процесс очищения от теневого российско-китайского бизнеса в этой чувствительной сфере. В КНР за десятилетия в приграничных районах Северо-Востока Китая сложилась целая отрасль по переработке «серого» леса, включая сеть деревообрабатывающих и бумажно-целлюлозных предприятий. Доля древесины и целлюлозно-бумажной продукции в российском экспорте в КНР составляла 7,6% (на 2021 г.). Очевидно, что местные китайские власти и предприниматели не заинтересованы в сокращении своего бизнеса и создании совместных предприятий по деревообработке в Сибири и на Дальнем Востоке, на чем настаивает российская сторона. Возможно, что решение «лесного вопроса» на взаимовыгодных условиях также станет одним из пунктов региональной российско-китайской повестки VII ВЭФ 2022 г.

Российско-китайская транспортная логистика на Дальнем Востоке в нынешних санкционных условиях является, одновременно, и вызовом, и возможностью для двух государств. Вызов связан с растущим валом перевозок, идущих из Китая, с которым уже не справляется транспортно-портовая инфраструктура российского Дальнего Востока. Возможности заложены в открывающихся дополнительных прибылях для перевозчиков на российско-азиатских маршрутах, которые будут увеличиваться пропорционально сокращающимся поставкам по западным коридорам. Остро встает вопрос о создании на Дальнем Востоке российского контейнерного флота, который потенциально мог бы замкнуть на себя часть новых морских перевозок.

Основное увеличение товарных потоков, идущих из КНР, приходится на порты Восточный, Владивосток и Зарубино. Суммарная способность по приему и дальнейшему транзиту составляет примерно 1,5 млн стандартных контейнеров в год¹. Реальное увеличение, по прогнозам экспертов, может возрасти до 3,5-4 млн. Одновременно, значительно усиливается нагрузка на погранпереходы и железнодорожные сети, в первую очередь на Транссиб российской железной дороги.

Между Россией и Китаем сейчас действуют 24 пограничных перехода, включая 3 железнодорожных (Гродеково, Махалино и Камышевая). Пуск 27 апреля 2022 г. нового железнодорожного моста через Амур «Нижнеленинское - Тунцзян» стал четвертым полноценным железнодорожным «окном» в Китай, сократив расстояние из провинции Хэйлунцзян (КНР) до Москвы на 700 км и время в пути на 10 часов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторический процесс формирования трансграничных коридоров и смежных территорий, развивавшийся в течение 400 лет, закономерно вывел Россию на рубежи Восточной Азии. Монгольский, китайский, корейский и японский участки - каждый по-своему был вписан в российское пространство и историю официальных демаркаций и размежеваний. Современные политические реалии, сохраняя историческое наследие, влияют на расширение российско-китайской и российско-монгольской части трансграничного пространства.

Сибирь и Дальний Восток России из исторической периферии объективно становятся центром поворота России на Восток. Стратегия «сшивания» сибирско-дальневосточных регионов, инвестиционная и социальная активность меняют приоритеты и содержание поворота, который из внешнего, азиатского, одновременно становится и внутренним, российским.

¹ См.: <https://www.eastrussia.ru/material/rasshiryaya-okno-v-aziyu/> (accessed 25.03.2022)

Сибирь и Дальний Восток в условиях политической и экономической войны с Западом становятся не только прочными экономическими тылами европейской части России, но и важными экзистенциальными, антизападными российскими территориями, ментально и ценностно сближающимися с Восточной Азией.

Китай, несмотря на свои возможности и ресурсы, не может быть единственным спасителем России в идущей экономической войне и закрывать все санкционные «бреши». Выживание России лежит внутри страны, в быстром создании системы импортозамещения в ключевых отраслях народного хозяйства. Очевидно, что китайский ресурс является вспомогательным, дополнительным, но который потенциально способен значительно ослабить и минимизировать санкционные потери.

Российско-китайское трансграничное пространство становится ведущим как в плане межрегионального, так и в целом межгосударственного взаимодействия. Стратегия «поворота на Восток» на китайском направлении требует своего дальнейшего углубления и модернизации, включая радикальное обновление торгово-экономических, транспортных, инвестиционных, валютно-финансовых отношений, расширение спектра прикладных механизмов и проектов, ориентированных на дальнейшее сближение и углубленную кооперацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова М.В. 20 лет российско-китайского межрегионального и приграничного сотрудничества. <http://perspektivy.info/print.php?ID=36118> (accessed 23.03.2021)
2. Александрова М.В. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы. *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. М.: ИД «ФОРУМ», 2016. С. 221-254.
3. Гольман М.И. Западные авторы об отношениях России и Монголии в XX веке. Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001.
4. Зона свободной торговли Хэйхэ развивает международную онлайн торговлю. <https://www.chinalogist.ru/news/zona-svobodnoy-torgovli-heyhe-razvivaet-mezhdunarodnyu-onlayn-torgovlyu-20254> (accessed 20.02.2021)
5. Зуенко И.Ю. Без китайцев. Как пандемия меняет сельское хозяйство Дальнего Востока. <https://www.carnegie.ru/commentary/83423> (accessed 10.12.2020)
6. Campi A. Mongolia in Northeast Asia - the New Realities. *Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. Chinese Culture University, Taiwan, 2004. Pp. 268-287.
7. Караганов С.А., Лихачева А. Б. Почему буксует «поворот на Восток» и как это исправить? *Россия в глобальной политике*, 16.10.2020. <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-buksuet-povorot/> (accessed 07.02.2021)
8. Кузьминков В.В. К истории территориального размежевания между Россией и Японией. Японский взгляд. М., ИДВ РАН, 2016 304 с.
9. Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа. *Сравнительная политика*. 2020, № 2. С. 9-27.
10. Ларин В.Л. «Поворот России на Восток». Все о нем слышали, но кто его видел? Валдайский клуб. Мнение эксперта. 3.09.2019. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vse-o-nyem-slyshali/>
11. Lattimore O. Nomads and Commissars. *Mongolia Revisited*. New York, 1962. 267 p.
12. Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай: исторические и современные трансформации. *Восток / Oriens*. 2021, № 5 С. 141-152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3
13. Лузянин С.Г. Как работать с Китаем на нашем Дальнем Востоке? (В преддверии Восточного экономического форума). *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750015126-0
14. Меламед И.И., Прокопьева М.С. Восточная политика России и развитие восточных территорий РФ. *Стратегия развития регионов*, 2013. № 43. С. 27-39.
15. Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Соч. в 7 т. / Т. 5. Хороший сосед приятнее почестей всяких. М., Наука, 2014, 491 с.
16. Новоселова Л.В. Российский Дальний Восток России: территория опережающего развития. *Проблемы торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока и Северо-Востока Китая*. Кн. 2. М., ИДВ РАН, 2019. С. 4-28.
17. Пак Б.Д. Россия и Корея. М., ИВ РАН, 2004. 520 с.
18. Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. История внешней политики Японии 1868-2018 гг. М., Международные отношения, 2019. 456 с.
19. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами - соседями / под ред. Д.В. Стрельцова. М., Аспект Пресс, 2021. 336 с.
20. Российско-японские отношения в формате параллельной истории. Коллективная монография / Под общ. ред. акад. А.В.Торкунова и проф. М.Июкибэ. М., МГИМО-Университет, 2015. 1000 с.
21. Rupen R. *Mongols of XX century*. Mouton: Indiana University Press, 1964. 315 p.
22. Сибирь как мега-регион: параметры и цели / под ред. В.И.Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2018. 192 с.
23. Тихвинский С.Л. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 томах. Том 6. Династия Цин (1644-1911) / отв. ред. О.Е.Непомнин. М., Восточная литература, 2014. 886 с.
24. Hill F., Gaddy C. 2003. *The Siberian Curs: How Communist Left Russia Out in the Cold*. Washington: Brookings Institutions Press. 240 p.

25. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划 (2018-2024年). (The Plan of the Sino-Russian Cooperation and Development in the Far East. 2018-2024) (In Chin.). <http://www.heihe.gov.cn/info/1186/100368.htm> (accessed 27.06.2019)
26. 中国企业在俄罗斯远东地区的投资与风险. (Investments and risks of Chinese companies in the Far East. 21.07.2020) (In Chin.). <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html> (accessed 21.07.2020)
27. 嚴家祺 中俄邊界問題的十個事實——回應俄羅斯駐中國大使館公使銜參贊岡察洛夫等人文章. (Yan Jiaqi. *Ten Facts About the Sino-Russian Border Issue - Response to Articles by Goncharov, Minister Counselor of the Russian Embassy in China*) (In Chin.). http://www.chinaruslaw.com/CN/History/wtl0tnw4/201532214752_126720.htm (accessed 05.03.2021)
28. 徐向梅 俄罗斯政治文化传统与国家发展道路选择. (Xu Xiangmei. *Russian Political and Cultural Traditions and the Choice of the Country's Development Path*) (In Chin.). <http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0829/c427165-31325636.html> (accessed 05.03.2021)
29. 李勇慧, 倪月菊. 俄罗斯远东超前发展区和自由港研究. 欧亚经济/ 2019 年第 5 期 60-74. (Li Yonghui, Ni Yueju. 2019. Study of the advanced development zone and free port of the Russian Far East. *The Eurasian economy*. № 5. Pp. 60-74) (In Chin.)
30. 盘点《冰上丝绸之路》上的项目. (Inventory of the Ice Silk Road). (In Chin.). <https://chinadialogueocean.net/12569-a-review-of-chinas-arctic-silk-road-projects/?lang=zh-hans> (accessed 21.07.2021)
31. Лузянин С.Г. Российско-китайские «границы» безопасности. Что означает пекинское послание В.В. Путина и Си Цзиньпина? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 2. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750018790-1

REFERENCES

1. Alexandrova M.V. 20 years of Russian-Chinese interregional and cross-border cooperation. (In Russ.). <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36118> (accessed: 23.03.2021)
2. Alexandrova M.V. 2016. Russian-Chinese interregional and cross-border cooperation: new trends and problems. People's Republic of China: politics, economics, culture. Moscow. Pp. 221-254. (In Russ.)
3. Golman M.I. 2001. Western Authors on the Relations Between Russia and Mongolia in the XX Century. Russia and Mongolia: A New Look at the History of Relations in the 20th Century. Moscow. (In Russ.)
4. Heihe Free Trade Zone develops international online trade (In Russ.). <https://www.chinalogist.ru/news/zona-svobodnoy-torgovli-heyhe-razvivaet-mezhdunarodnuyu-onlayn-torgovlyu-20254> (accessed 20.02.2021)
5. Zuenko I. Without Chinese. How the pandemic is changing agriculture in the Far East. (In Russ.). <https://www.carnegie.ru/commentary/83423> (accessed 10.12.2020)
6. Campi A. Mongolia in Northeast Asia - the New Realities. *Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. Chinese Culture University, Taiwan, 2004. Pp. 268-287.
7. Karaganov S.A., Likhacheva A.B. Why is the "pivot to the East" stalling and how to fix it? *Russia in Global Affairs*, 16.10.2020. (In Russ.). <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-buksuet-povorot/>
8. Kuzminkov V.V. 2016. On the history of territorial delimitation between Russia and Japan. Japanese Look. Moscow. 304 p. (In Russ.)
9. Larin V.L. 2020. "Chinese expansion" in the eastern regions of Russia at the beginning of the XXI century through the prism of comparative analysis. *Comparative politics*. № 2. Pp. 9-27. (In Russ.)
10. Larin V.L. "The pivot of Russia to the East". Everyone has heard of him, but who saw him? Valdai Club. Expert opinion. 03.09.2019. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vse-o-nyem-slyshali/> (in Russian).
11. Lattimore O. 1962. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. New York. 267 p.
12. Luzyanin S. 2021. Russia - Mongolia - China: Historical and Contemporary Transformations *Vostok / Oriens*. № 5. Pp. 141-152 (In Russ.). DOI: 10.31857/S086919080016633-3
13. Luzyanin S.G. 2021. How to work with China in our Far East? (In anticipation of the Eastern Economic Forum). *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750015126-0
14. Melamed I.I., Prokopyeva M.S. 2013. Eastern policy of Russia and the development of the eastern territories of the Russian Federation. *Strategy for the development of regions*, № 43. Pp. 27-39. (In Russ.)
15. Myasnikov V.S. 2014. Kastalskiy's Key of the Sinologist: in 7 volumes. Vol. 5: A good neighbor is more pleasant than any honors. Moscow, 2014, 491 p. (In Russ.)
16. Novoselova L.V. 2018. Russian Far East of Russia: territory of advanced development. *Problems of trade and economic cooperation between the Russian Far East and the North-East of China*. Moscow, 2019. Pp. 4-28. (In Russ.)
17. Pak B.D. Russia and Korea. Moscow. 2004. 520 p. (In Russ.)
18. Panov A.N., Sarkisov K.O., Streltsov D.V. 2019. History of Japanese foreign policy 1868-2018. Moscow. 456 p. (In Russ.)
19. 2021. The Problems of the Historical Past in Japan's Relations with Neighboring Countries / Ed. D.V.Streltsova. Moscow. 336 p. (In Russ.)
20. 2015. Russian-Japanese relations in the format of parallel history: collective monograph / under total. ed. acad. A.V.Torkunov and prof. M.Iokibe. Moscow. 1000 p. (In Russ.).
21. Rupen R. 1964. Mongols of XX century. Mouton: Indiana University Press, 1964. 315 p.
22. 2018. Siberia as a mega-region: parameters and goals. Novosibirsk. 192 p. (In Russ.).
23. Tikhvinsky S.L. 2014. History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. In 10 volumes. Vol. 6. Qing Dynasty (1644-1911) / Ed. O.E.Nepomnin. Moscow. 886 p. (In Russ.)
24. Hill F., Gaddy C. 2003. The Siberian Curs: How Communist Left Russia Out in the Cold. Washington: Brookings Institutions Press. 240 p.
25. 中俄在俄罗斯远东地区合作发展规划 (2018-2024年). (The Plan of the Sino-Russian Cooperation and Development in the Far East. 2018-2024). (In Chin.). <http://www.heihe.gov.cn/info/1186/100368.htm> (accessed 27.06.2019)

26. 中国企业在俄罗斯远东地区的投资与风险. (Investments and risks of Chinese companies in the Far East. 21.07.2020). (In Chin.). <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html> (accessed 21.07.2020) (In Chin.)
27. 嚴家祺 中俄邊界問題的十個事實——回應俄羅斯駐中國大使館公使銜參贊岡察洛夫等人文章. (Yan Jiaqi. Ten Facts about the Sino-Russian Border Issue - Response to Articles by Goncharov, Minister Counselor of the Russian Embassy in China). (In Chin). http://www.chinaruslaw.com/CN/History/wtl0tnw4/201532214752_126720.htm (accessed 05.03.2021)
28. 徐向梅 俄罗斯政治文化传统与国家发展道路选择. (Xu Xiangmei. Russian Political and Cultural Traditions and the Choice of the Country's Development Path). (In Chin.). <http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0829/c427165-31325636.html> (accessed 05.03.2021)
29. 李勇慧, 倪月菊. 俄罗斯远东超前发展区和自由港研究. 欧亚经济/ 2019 年第 5 期 60-74. (Li Yonghui, Ni Yueju. 2019. Study of the advanced development zone and free port of the Russian Far East. *The Eurasian economy*. № 5. Pp. 60-74) (In Chin.)
30. 盘点 «冰上 丝绸之路» 上的项目. (Inventory of the Ice Silk Road). (In Chin.). <https://chinadialogueocean.net/12569-a-review-of-chinas-arctic-silk-road-projects/?lang=zh-hans> (accessed 21.07.2021)
31. Luzyanin S.G. 2022. Russian-Chinese “borders” of security. What does the Beijing’s message of V.V. Putin and Xi Jinping mean? *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750018790-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, департамент зарубежного регионоведения, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Sergey G. Luzyanin, Dr.Sc. (History), Professor, School of International Regional Studies, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.03.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.04.2022

Принята к публикации
(Accepted) 19.05.2022